

Клинок из чистого золота, который Цин Ло по привычке прятала в рукаве, со свистом вонзился прямо в грудь Му Цинханя. Собрав последние силы, она погрузила золотую шпильку в тело мужчины почти наполовину, и ярко-алая кровь хлынула из раны, вмиг окрасив его белоснежные одежды. Му Цинхань даже не попытался увернуться или отступить; с праздным любопытством глядя на собственное ранение, он внезапно разжал пальцы.

Цин Ло жадно хватала ртом воздух, безудержно кашляя, а из её глаз ручьями лились слёзы. В сердце же её уже бушевало неукротимое убийственное намерение. Она знала, что натворила невообразимую беду: обвинение в покушении на Императора каралось смертью тысячу, нет, десять тысяч раз. Но раз уж она решилась на этот шаг, оставалось только идти до конца!

Эх, в конце концов, она так и не сумела сдержать свой нрав и подавить отчаянное *желание* выжить!

Она уже умирала однажды, а потому слишком сильно боялась смерти, как и того, что не успеет завершить начатое до своего конца. Она не понимала, почему события всегда развиваются вопреки её воле, но раз уж всё зашло так далеко, оставалось только рискнуть.

Жив этот мужчина или мертв — её привёл во дворец Чу Ли, и в покушении на Императора ему тоже не удастся избежать ответственности. Стоит лишь намертво стоять на том, что всё это было спланировано Чу Ли, и дело с концом, хе-хе...

Думая об этом, Цин Ло перестала бояться и успокоилась; напротив, в ней появилось некое отрешение, словно она уже стояла по ту сторону жизни и смерти.

Му Цинхань вытащил из груди золотую шпильку, переломил её пополам, зачерпнул пальцем немного собственной крови и поднёс к губам. Он лизнул кровь, и его слегка бледные губы мгновенно порозовели. Сам он выглядел невероятно соблазнительно, источая демоническую зловещность и смертоносный *огар*.

Глядя на него, Цин Ло с трудом подавила подступившую панику и отчаянно захотела броситься вперед, чтобы нанести еще один удар, но Му Цинхань опередил её и шагнул навстречу. Перехватив её руку и бледная улыбка тронула его губы, он произнес:

— Твоя смелость превосходит все мои ожидания. Неужели ты не знаешь, какова кара за покушение на Императора?

— Знаю.

— Значит, ты искала смерти?

— Если Император не пожелает убивать служанку, то сопротивляться я, разумеется, не стану. Я не ишу смерти, я её боюсь — служанка хочет прожить еще пару лет.

— Хе-хе... Забавно. Ты первая, кто посмел ранить Меня, и клянусь, ты будешь последней. Малышка Цин Ло.

Шепнул Му Цинхань ей на ухо и слегка прикусил мочку её уха. Заметив, как она, подобно ошетилившемуся котёнку, безумно разозлилась, но изо всех сил давит свой гвар, он наконец расхохотался. Шатаясь, он вышел из покоев. Цин Ло в растерянности смотрела на лужицу крови на полу, почти не веря, что ей только что удалось избежать смерти.

Изнеможение от перенапряжения заставило её рухнуть на пол. Тупо глядя перед собой и мысленно переживая всё случившееся, она до крови закусил губу.

Проклятие, она снова поддалась порыву и чуть всё не испортила! Подумаешь — провести с ним одну ночь, стиснув зубы и зажмурившись, всё бы и закончилось. Но теперь стало очевидно, насколько глубоко и до мозга костей она презирает мужчин, раз её тело отказывается подчиняться разуму...

Она посмела ранить Императора! Она действительно посмела ранить Императора!

Раньше она не решалась смотреть даже на то, как забивают скот, а теперь её руки по самые локти были в крови, но она не чувствовала ровным счетом ничего. Пожалуй, это и называется взрослением, но как же сильно она ненавидела себя нынешнюю!

Он не стал её наказывать, но смотрел на неё так, будто перед ним была забавная кошка или собака. Она понятия не имела, что он выкинет в следующий момент! И что теперь делать? Почему она должна выносить всё это, почему сейчас она — не та наивная и глупая княгиня-супруга из Резиденции князя Наньчжао? Почему она тогда не умерла?!

Свернувшись калачиком в углу комнаты, Цин Ло тихо заплакала. Она прекрасно понимала, что её путешествие по дворцу будет куда более смертоносным и опасным, чем жизнь в Резиденции князя Наньчжао. Кровавое пятно на груди Му Цинханя, его злобная улыбка и холодный взгляд Чу Ли раз за разом проносились в её голове. Скукожившись всем телом, она едва заметно дрожала.

Она не сомкнула глаз всю ночь, то и дело моя руки — до тех пор, пока кожа на них не покраснела и не опухла. Она не знала, какое будущее её ждет, и единственное, что ей оставалось — это плыть по течению.

— Императорский указ! Девушка Цин Ло, примите указ!

То, чему суждено было случиться, наконец произошло.

Пожалование титула.

— Цин Ло принимает указ!

— Служанка принимает указ.

Превозмогая дурноту, Цин Ло опустилась на колени, ожидая приговора Му Цинханя. В комнате разносился пронзительный, характерный для евнухов голос, и содержание зачитанного им указа повергло девушку в абсолютный шок.

— Воля Императора гласит: Цин Ло — кроткая, добродетельная, прекрасная и благонравная, глубоко запала Мне в сердце. Настоящим жалую Цин Ло титул госпожи четвертого ранг — Красавица, с наречением знака «Юй», и повелеваю поселиться во Дворце Юйцзао. Исполнять.

Указ Му Цинханя состоял всего из нескольких строк, но Цин Ло задрожала всем телом и недоверчиво подняла голову.

Что это значит? Она ведь оскорбила Му Цинханя, совершила преступление, за которое вырезают весь род, а он не только не покарал её, но и пожаловал столь высокий ранг? Из чего вообще сделана его голова?

И к тому же... её титул — «Юй»... Неужели это какое-то предзнаменование или просто совпадение?

— Красавица Юй, почему вы не благодарите за милость? Неужели от радости лишились дар речи?

— Эта наложница благодарит Императора за милость.

Выразив благодарность, Цин Ло с трудом поднялась на ноги, забрала у евнуха свиток, передала его Лоэр, наградила вестника серебром, а затем устало посмотрела на вереницу служанок, которые рекой текли в её покои, принося новые наряды и драгоценные шпильки, полагающиеся ранге «красавицы».

До официального объявления, по правилам, Цин Ло не имела права носить эти платья, но хотя императрицы среди навестивших её не было, женщины из Дворца Юйцзао уже поспешили поздравить новую хозяйку этих стен.

— Эта наложница поздравляет Красавицу Юй!

— Красавица Юй и впрямь поистине прекрасна, неудивительно, что она снискала благосклонность Императора! Надеюсь, мы с сестрицей будем часто видеться!

Дворец Юйцзао был совсем небольшой обителью. Помимо Цин Ло, здесь жили одна наложница

невысокого ранга, две талантливые госпожи и одна благородная госпожа — все они носили низшие титулы младших супружеств.

За исключением Благородной госпожи Сюэ, сосланной на больничный покой, все прочие женщины собрались в комнате Цин Ло. Их звонкие голоса звенели, создавая невероятное оживление.

Сидя в кресле, Цин Ло сдержанно, но с подобающим достоинством принимала поздравления от тех, кто стоял ниже неё по рангу, мысленно прикидывая, с кем из них стоит завести дружбу, а за кем — приглядывать в оба.

Прошлый опыт супруги князя позволил ей держаться безупречно и вести себя рассудительно, отчего стоявшая рядом Лоэр смотрела на неё во все глаза. Лишь когда все гости разошлись, служанка поспешно подошла ближе и спросила:

— Госпожа...

— Отныне называй меня Красавицей, — холодно произнесла Цин Ло.

— Слушаюсь. Скажите, Красавица, что же всё-таки произошло вчера?

— Ты о том, почему Император внезапно возвысил меня? Разумеется, потому что я пришлась ему по сердцу.

— А вы сами... вы не ранены?

— О чём ты говоришь? — Цин Ло слегка растерялась.

— Вчера на Императора совершили покушение, и к счастью, вы бросились ему на помощь, поэтому Император так обрадовался и пожаловал вам этот титул! Все во дворце знают о вашем благородном поступке и превозносят вас до небес, ваше будущее определенно будет бескрайним!

Покушение... Так вот какими сказками Му Цинхань объяснил свои раны. Впрочем, оно и понятно: узнай кто, что его пырнула собственная женщина, этот Император полностью потерял бы лицо. Он нарочно в *одно мгновение* вознес её на самую вершину, чтобы втянуть в те дворцовые интриги и *грызню*, в которые ей меньше всего на свете хотелось погружаться.

Мужчины ведут войны с пролитием крови, а женские битвы бескровны, но куда более жестоки и убивают без единого следа. Пройдя через смерть из-за подобных интриг однажды, она ни за что не позволит случиться этому во второй раз.

— О чем задумалась Красавица? — с опаской поинтересовалась Лоэр.

— Ни о чем.

— На вашем теле столько синяков и царапин! Наверное, это осталось вчера, когда вы защищали Его Величество! И странно ведь — почему при таком шуме никто ничего не слышал...

— Лоэр, в стенах дворца излишняя болтовня губит людей.

— Слушаюсь. Но то, как вы только что разговаривали с теми госпожами... у вас был такой величественный вид, прямо как у настоящей государыни от роду! — восторженно зашебетала Лоэр. — Наверное, в прошлой жизни Красавица тоже была дворцовой госпожой, раз умеете так безупречно и грамотно всем управлять!

— Я управляла безупречно? — опешила Цин Ло.

— Ну конечно! Те госпожи ведь все до единой признали ваше превосходство!

— Вот как... Спасибо тебе, Лоэр. — Цин Ло потрепала себя по голове и тяжело вздохнула.

— М?

— Ничего.

Какая же она дура...

Общаясь с ними, она на подсознательном уровне использовала методы подавления и управления наложницами, усвоенные в резиденции князя. Но как может простая *женщина*, какой бы умной она ни была, с рождения знать все тонкости дворцового этикета? Хорошо хоть Лоэр вовремя подсказала. Эх, чтобы отомстить, для начала нужно выжить в этом змеюке, а ей предстоит усвоить еще столько, столько всего... Ситуация становится всё запутаннее.

Вскоре прибыл императорский лекарь, чтобы осмотреть Цин Ло. Он выписал ей мази и отвары — как для приема внутрь, так и для наружного применения, причем большинство лекарств предназначалось для заживления следов на её лице.

Сама Цин Ло к собственным ранам относилась с полным равнодушием, зато Лоэр с трепетным усердием мазала её лицо, строго-настрого запрещая есть соевый соус и любые другие красящие продукты. Девушка без конца ворчала, но в этой заботе Цин Ло впервые почувствовала крошечную крупицу тепла.

Она любила Лоэр, но не доверяла ей полностью — в конце концов, ей просто хотелось, чтобы рядом хоть кто-то находился. Пусть даже это было не совсем честно по отношению к служанке.

Согласно её новому статусу Красавицы, Цин Ло выделили самые роскошные покои во Дворце Юйцзао. И хотя эта комната не шла ни в какое сравнение с её девичьей спальней, она всё же была намного лучше той конуры, что ей выделил Чу Ли.

Ей добавили четырех служанок для тяжелой работы, двух личных горничных и пожилую наставницу-надсмотрщицу по этикету. Все они стояли с опущенными головами, и лица их были настолько беспристрастными, что невозможно было прочесть ни единой эмоции.

Цин Ло прекрасно понимала, что молчание — единственный способ выжить во дворце. Не зная, кто из этих людей может оказаться чьим-то шпионом, она не стала никого приближать и лишь бросила:

— Как вас звали раньше, так и зовитесь. Менять имена не нужно.

— Благодарим матушку-госпожу.

— Не за что. Наставница, прошу вас, обучите меня правилам, чтобы я ненароком не оплошала перед людьми.

— Раз уж госпожа столь благоразумна, эта старая служанка осмелится взять на себя этот труд.

Нянька Ли вкратце обрисовала Цин Ло устройство дворца и сообщила главное: у Му Цинханя в данный момент нет императрицы, а всей полнотой власти в женской половине ведаёт Благородная супруга Гуйфэй по имени Роуцзя — родная сестра Чу Ли и главная виновница того, что Цин Ло оказалась в столь плачевном положении.

Стоило услышать имя Роуцзя, как кровь прилила к голове Цин Ло. Её тело едва заметно качнулось, но она успела взять себя в руки и сохранить непроницаемое выражение лица.

Роуцзя.

...! Ты обрекла меня на мучительную смерть, а сама воссела на вершине в ранге Благородной супруги Гуйфэй! Неужели небеса и правда справедливы? Цзи Юэ мертва, а ты, Чу Ли и Му Цинхань — мои кровные враги, и я не пощажу никого из вас!

Я не позволю вам умереть так легко. Перед смертью вы сполна испытаете тот страх, панику, гнев и отчаяние предательства, которые довелось испытать мне! Хе-хе...

В душе Цин Ло холодно усмехалась, а нянька Ли, не заметил никаких странностей в её

поведении, продолжала:

— Раз госпожа удостоена высокого титула, вам предстоит вместе с другими наложницами являться с утренним поклоном к Благородной супруге Гуйфэй. Ни в коем случае нельзя гневить её. Кроме того, хотя Император из-за ранения пока не призывает к себе наложниц для ночных утех, вы должны в любой момент быть готовы к службе. В конце концов, в Поднебесной лишь один истинный хозяин — Его Величество.

— Понятно. Благодарю наставницу за науку.

— Эта старая служанка не смеет требовать благодарности, — бесстрастно отозвалась нянька Ли. — Если у госпожи больше нет дел, я не смею утруждать вас, отдыхайте.

— Хорошо. Можете все идти.

Слуги бесшумно растворились за дверью. Остались одна в комнате, Цин Ло посмотрела в зеркало на свое лицо, щедро намазанное мазью, отчего оно казалось до жути странным, и горько усмехнулась.

В отличие от большинства женщин, она никогда не дорожила своей красотой; даже если бы лицо осталось обезображенным на всю жизнь, ей было всё равно. Царапины в уголках глаз и синяки на подбородке делали её лицо намного опухшее прежнего, и никакая пудра не могла скрыть эти следы увечий. Поистине, трудно пришлось тем льстецам, что только что рассыпались в комплиментах её прелести. Насмешливо качнув головой, она распахнула окно, вдохнула прохладу ночного воздуха и, глядя на лунный свет, наконец погрузилась в тяжелый сон.

На следующий день.

Едва забрезжил рассвет, как она завершила все приготовления, облачившись в одежды и украшения, пожалованные Му Цинханем. Макияж вышел чуть более ярким, чем обычно, но всё равно не смог полностью скрыть шрамы. Нянька Ли помогла закрепить в её волосах изящную заколку-булавку в форме бабочки из сапфиров, которая идеально сочеталась с её бледно-голубым придворным платьем. Глядя на себя в зеркало, она решила, что пусть её внешность сейчас не дотягивает и до половины прежней, результат её вполне устраивает.

— Госпожа, пора выступать.

— Пошли.

В сопровождении Лоэр Цин Ло направилась во Дворец Вэйян, где проживала Гуйфэй, чтобы принести ей своё почтение. Дворец Вэйян поражал своим величественным размахом, превосходя её Дворец Юйцзао в бесчисленное множество раз. Сидевшая на возвышении

роскошная женщина казалась бесконечно далекой от того капризного подростка, что сохранился в её памяти. Все присутствующие опустились на колени перед тронным местом. Вертя в руке чашку с чаем, Гуйфэй выждала добрых четверть часа, прежде чем с наигранным удивлением всплеснуть руками:

— Ой, я совсем забыла, что сестрицы пришли засвидетельствовать мне почтение, какая же я рассеянная. Поднимайтесь скорее. Скажите-ка, кто из вас — Красавица Юй?

— Эта наложница здесь, — произнесла Цин Ло.

— Подними голову.

— Слушаюсь.

Цин Ло подняла голову и встретила взглядом с этой наполовину улыбающейся физиономией; сердце пронзила острая боль. Она помнила, как после замужества в резиденцию проявляла максимум заботы и материнской нежности к единственной сестре Чу Ли, всегда относясь к ней исключительно ласково. Но за этим фасадом мнимого благополучия скрывались лишь ядовитые подводные течения...

Она и представить не могла, что та способна нанести ей удар в спину, и до сих пор не понимала причин столь лютой ненависти. Точно так же, как никогда не думала, что её предаст Чу Ли.

— Какая у тебя дерзость, смеешь смотреть на меня прямо, — усмехнулась Роуцзя. — Слышала, твои корни не отличаются знатностью. Нашлись ли во дворце наставницы, успевшие обучить тебя правилам?

— Отвечая госпоже, да, нашлись.

— Раз так, то разве то, как ты держишься сейчас, не есть грубое нарушение этикета?

— Эта наложница заслуживает смерти десятки тысяч раз.

— К чему громкие слова про тысячи смертей? Сколько у человека жизней, чтобы умирать столько раз? Хе-хе, раньше говорили, что после смерти попадают на небеса, но если умереть здесь, пожалуй, угодишь прямо в ад. Жизнь так бесценна, ею нужно дорожить, верно?

— Ваши слова мудры, госпожа.

Жизнь дается лишь раз, и ею, разумеется, следует дорожить.

Просто не каждому выпадает родиться под такой счастливой звездой, как у неё.

— О, Красавица Юй, не бойся меня. Хоть я и строга в делах, но всё это ради порядка среди слуг. Если каждый будет знать свое место, все смогут наслаждаться милостью Императора и делить его ласки поровну. Твое лицо пострадало из-за того, что ты спасла Его Величество, так что хорошенько отдохни эти дни. В середине месяца у нас намечен большой праздник, и Красавица Юй непременно должна на нем присутствовать, чтобы сестрицы смогли полюбоваться твоей красотой.

Непонятно почему, но стоило прозвучать словам о большом празднике, как лица всех присутствующих наложниц мгновенно переменились. Хотя вслух никто ничего не произнес, Цин Ло по их зажатым движениям сразу заметила неладное.

Она не знала, какое именно событие вызывало у них такой панический ужас, но мысленно пообещала себе хорошенько всё расспросить по возвращении. Заметив, что выражение лица Цин Ло осталось невозмутимым, Роуцзя — то ли с презрением, то ли с мягкой улыбкой — протянула:

— Сестрица ведь согласна?

— Эта наложница подчинится воле госпожи.

— Вот и чудно. Ну, я утомилась, вы все можете идти. Красавица Юй, у тебя очень красивая шпилька, хе-хе...

— Благодарю за похвалу, госпожа.

На этом их первая встреча подошла к концу.

Вернувшись в свои покои, Лоэр с восторгом заговорила о роскоши Дворца Вэйян и простоте в общении Благородной супруги Гуйфэй, а тем временем к Цин Ло потянулись остальные обитательницы Дворца Юйцзао, не имевшие права посещать дворец Гуйфэй, но обязанные засвидетельствовать почтение ей. Сделав вид, будто всё происходящее её мало интересует, Цин Ло приняла их, а затем как бы между прочим обронила:

— Через несколько дней во дворце будет пир. Благородная супруга Гуйфэй оказала мне честь, пригласив на это торжество. Скажите, что мне следует подготовить, чтобы не ударить в грязь лицом?

Стоило ей произнести эти слова, как лица всех женщин снова переменились. После долгого молчания старшая из них, талантливая госпожа Ши, неловко улыбнулась и замялась:

— У... у нашей госпожи природная красота, как ни нарядись, всё равно будешь прекраснее

всех, хе-хе...

— Именно так! — тут же дружно закивали остальные.

— А вы, талантливая госпожа Ши, бывали там раньше?

— Эта наложница... у меня слишком низкий ранг, мне не доводилось присутствовать.

— Вот как...

Поболтав еще немного ни о чем, женщины разошлись. Но когда талантливая госпожа Ши уже собиралась покинуть комнату, Цин Ло окликнула её. Та поспешно замерла в почтительном поклонении, гадая, не решила ли новая хозяйка приблизить её к себе в качестве доверенного лица. Цин Ло же с улыбкой произнесла:

— Талантливая госпожа Ши, можно сказать, старожил нашего Дворца Юйцзао. Хотя я и занимаю здесь главное место, мне требуется подсказка во многих вопросах.

— Эта наложница не смеет, — испуганно отозвалась та.

— Раз вы столь сведущи в дворцовых делах, не составит ли вам труда сопровождать меня на грядущем пиру?

— Ни в коем случае! — Талантливая госпожа Ши до смерти перепугалась и рухнула перед Цин Ло на колени: — Прошу госпожу забрать свои слова обратно!

Благородная госпожа Сюэ.

— О? Почему же талантливая госпожа Ши так испугалась? Неужели считаете, что я недостойна вашей компании?

Подозрения в сердце Цин Ло лишь усилились, и она намеренно придала голосу суровости. Талантливая госпожа Ши смутилась еще сильнее. Цин Ло знала, что среди дворцовых обитательниц эта женщина не блистала выдающейся красотой, но раз уж при большом стаже она застряла в столь низком ранге, значит, совершенно не умела плести интриги и не обладала хитростью.

Видя гнев Цин Ло, та запаниковала окончательно. Закусив губу и не зная, что ответить, она в отчаянии тяжело ударила лбом о пол:

— Простите матушку-госпожу за непослушание, но на подобные пиры без персонального

приглашения вход заказан, эта служанка и вправду не посмеет!

— Ты не смеешь перечить воле Гуйфэй, но смеешь ослушаться меня?

— Эта наложница не смеет!

Талантливая госпожа Ши продолжала отбивать поклоны, пока её лоб не покраснел и не опух. Поняв, что добиться от неё толку всё равно не удастся, Цин Ло сменила гнев на милость, перебросилась с ней парой ничего не значащих фраз и отпустила. После чего с тяжелым сердцем сказала:

— Лоэр, постарайся как можно скорее сойтись со служанками из других покоев и точно выясни, что из себя представляет этот вечерний пир и почему он наводит на всех такой жуткий страх.

— И об этом спросить?

— Да. Если моё чутье не обманывает, этот пир очень напоминает зловещий ужин в лагере Хунмэнь.

— Неужели всё так серьезно?! — изумленно ахнула Лоэр.

— Очень надеюсь, что я ошибаюсь... Эх...

Ночь вошла в свои права.

Сегодняшний день принес слишком много событий, и в голове Цин Ло роились тяжелые мысли, не давая ей уснуть. Мучимая беспокойством, она вышла во двор. Глядя на несколько одиноких цветков лотоса в прудке, она вдруг вспомнила весь тот роскошный пруд с лотосами, принадлежавший ей прежде, и почему-то тосковала по Чу Ли. Её путь впереди был еще так долог, и сражаться на нем ей придется в абсолютно одиночестве.

— Когда же кончатся весенние цветы и осенняя луна, сколько всего кануло в прошлое...

Откуда-то издалека донесся мягкий, нежный голос. Пение было таким плавным и красивым, словно струился лучший шелк, и это удивительным образом успокоило смятенную душу Цин Ло. Поколебавшись мгновение, она пошла на звук музыки и, выйдя к беседки, увидела в лунном свете девушку в белых одеждах, которая тихо пела, стоя босиком.

Её волосы были собраны в самый простой узел, на теле не было ни единого украшения. Заметив Цин Ло, она тут же умолкла и с праздным любопытством посмотрела на неё, не выказывая ни капли страха.

Цин Ло обратила внимание, что хотя черты лица незнакомки не были ослепительными, она выглядела необычайно чистой и свежей — точь-в-точь как те водяные лилии, что она только что видела в пруду. Девушка сразу догадалась, что перед ней та самая таинственная «болеющая и не выходящая из покоев» соседка, и её охватившее любопытство требовало немедленных ответов.

<http://bllate.org/book/21099/2142171>